

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Несметное
сокровище спрятал
граф Шереметев в своей
усадьбе, и лишь его
потомки знают, где найти
ключ к нему...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

**Сокровище
Великих
Моголов**

Наталья Николаевна Александрова

Сокровище Великих Моголов

Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63574171

Сокровище Великих Моголов: [роман] / Наталья Александрова: Эксмо;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-118111-6

Аннотация

Правитель империи Великих Моголов хранил несметные богатства, даже его Павлиний трон был полностью покрыт драгоценными камнями и золотом. После крушения империи часть трона попала к русскому графу Шереметьеву и была скрыта в его имении... Яна даже не думала, что ей придется защищать своего ненавистного шефа Сарычева от полиции! Его обвиняют в убийстве собственной жены, и, хотя все улики против него, Яна верит в его невиновность. А когда они вместе спасались от погони, выяснилось, что Сарычев на самом деле дальний потомок настоящего графа...

Наталья Николаевна Александрова Сокровище Великих Моголов

© Александрова Н.Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Как же я его ненавижу!» – подумала я, глядя, как шеф, прихрамывая, сделал несколько шагов в сторону от машины.

Надо же, еще и оглянулся, не подслушиваю ли я его разговор с женой. Да больно нужно, тоже мне секреты, попросить у жены, чтобы выдала мне папку, которую он, видите ли, забыл. Голову он свою не забыл почему-то! А мне теперь за ней тащиться на восьмой этаж, потому что лифт у них, как назло, сломан. Надо же, а еще элитный дом, лифт не могут в порядке содержать!

А этот придурок и зануда, мой шеф, умудрился еще растянуть ногу на объекте, поэтому мало того, что мне теперь нужно его возить на своей, между прочим, машине, так еще и тащиться к его жене за забытой папкой с договорами и актами.

Нет, ну как же я его ненавижу!

Я выснулась из машины и увидела, что шеф уже идет

назад. Быстро поговорил, не стал, значит, с женошкой ворковать: «Лапонька, солнышко, будь так добра, отдай этой девчонке на побегушках папку, а то твой зайчик не сможет пройти проверочку. А там, на объекте, инспектор сидит. И ждет, что ему актики покажут. А если не покажут, то у твоего зайчика большие неприятности могут быть»... Тьфу!

Ой, что это я, не стал бы он так с женой разговаривать. У него жена – какая-то чиновница высокого, между прочим, ранга. Стало быть, не полная дура. И как-то обмолвилась наш бухгалтер Анфиса Павловна, что шеф у жены не то чтобы под каблуком, но держит она его в ежовых рукавицах.

Ну, конечно, не мое это дело, тем более что Анфиса вообще много лишнего болтает.

А жену шефа мы видели пару раз, ничего себе такая, ухоженная особа, за собой следит, это сразу видно. На себя, любимую, никаких денег не жалеет. Но меня это не касается.

Шеф медленно подошел к машине.

– Ну вот, можете идти, – сказал он. – Папка лежит в прихожей, искать ее не нужно.

– Телефон, – отчеканила я, – верните мне мой телефон.

– Ах да! – спохватился он. – Простите...

И протянул мне мобильник, по которому звонил только что жене, его собственный телефон, видите ли, разрядился.

Какой-то шеф сегодня рассеянный, вся кровь к больной ноге от головы прилила, что ли?... Раньше такого за ним не замечалось.

– Простите, – повторил он, – простите, Ульяна...

Ну, надо же, знает ведь прекрасно, что имя свое я не люблю, и все знакомые и сотрудники зовут меня Яной. И предупредила я его, так нет, он нарочно так делает.

Нет, нужно менять работу. И перед увольнением высказать ему в кабинете один на один все, что я о нем думаю.

Вот все-все, причем откровенно, не выбирая выражений. Детально разобрать все стороны характера и поступки, вывести его из себя, объяснить, что представляет собой Арсений Николаевич Сарычев.

Я представила, какое у него при этом будет лицо, и невольно заулыбалась.

Он посмотрел удивленно и поморщился, возможно, от того, что задел больную ногу. То есть мне хотелось так думать, что из-за ноги, а не из-за меня. А впрочем, что это я? Мне на него плевать с высокой вышки! Без передышки.

Припарковалась я чуть в стороне от подъезда, причем неудачно, но я же не планировала оставить тут машину надолго.

Мы уже отъехали метров на двести, как вдруг Сарычев встрепенулся, пошарил в портфеле и сказал, что забыл самую нужную папку. Он-де положил ее на столик в прихожей и в самый последний момент забыл взять с собой. А без нее на объекте делать вообще нечего, так что придется за ней вернуться. И даже не извинился передо мной.

Так что теперь он проводил меня до подъезда и открыл

дверь своим ключом.

– Я жду! – напомнил он, как будто я собиралась не просто взять эту чертову папку, а распивать с его женой чай-кофе и сплетничать о тряпках и сотрудниках.

Пока я поднималась на восьмой этаж, я успела мысленно обругать Сарычева всеми возможными ругательствами и обозвать его самыми обидными, на мой взгляд, прозвищами от «барана» до «ящера» (никакого прозвища на «А» мне не пришло в голову).

Наконец я подошла к его двери и позвонила.

Я мысленно увидела себя глазами его жены: взмыленная, растрепанная, злая такая девица... постаралась придать своему лицу более-менее приветливое выражение и позвонила еще раз.

Не то чтобы мне хотелось произвести на нее приятное впечатление, если уж на ее муженька мне плевать, то уж на нее-то тем более... но мама в свое время крепко-накрепко вбила в меня некоторые вещи, одна из которых: не смей показываться незнакомому человеку в непотребном виде. Знакомому тоже, но главное – незнакомому. Невзирая ни на какие сложности. Посторонние люди не должны знать о твоих проблемах, не нужно давать им повода жалеть, сочувствовать или злорадствовать.

Как-то я пыталась с ней спорить словами старой песенки: «Какое мне дело до вас до всех, а вам до меня?...»

Маму это не убедило, она редко меня воспитывала, но тут была тверда.

Итак, я пригладила волосы и сложила губы в улыбку.

Но к двери никто не подходил.

Да что же это... Она наверняка дома, ведь Сарычев с ней только что разговаривал. Может, она думает, что это он сам вернулся, и не хочет открывать? Может, перед уходом они крупно поговорили? Не знаю, по его лицу было непохоже. Вышел спокойно, кивнул мне еле-еле, на часы посмотрел, потому что время поджимало – в общем, все как обычно.

А мадам небось в ванне лежит в лавандовой пене, вот и не слышит. Или нет, сейчас белый день, так что релакс не подходит, нужно что-то тонизирующее.

Тут у меня мелькнула какая-то мысль, но быстро пропала, потому что я дико разозлилась.

Может, она забыла, что лифт не работает, и хоть у меня с ногами все нормально, но подниматься на восьмой этаж лишний раз неохота. Может, мадам думает, что он дал мне свои ключи?

Да, но у меня-то их нет!

Я снова мысленно обругала своего дорогого шефа (на этот раз просто «тупым дебилом») и собралась уже уходить, но на всякий случай толкнула дверь.

И дверь открылась.

Она была просто-напросто не заперта.

Потому, наверное, его жена и не спешила открывать...

Я вошла в прихожую, судорожно пытаюсь вспомнить, как зовут жену шефа. Разумеется, не вспомнила, и тогда, чувствуя себя последней идиоткой, крикнула в пространство квартиры:

– Прошу прощения! Здесь было не заперто! Это Яна, сотрудница Арсения Николаевича. Он попросил меня зайти за документами! Вот я и пришла...

И снова мне никто не ответил.

Это было уже как-то странно.

Хотя... может быть, она действительно принимает ванну или нанесла маску на лицо, вот и не хочет показываться незнакомому человеку в таком виде...

Я представила, что она выскажет шефу вечером, и на душе стало легче. Как говорится, пустячок, а приятно...

А пока я решила забрать чертову папку и как можно скорее уйти из этой квартиры.

Квартира, кстати, была неплохая.

Просторная прихожая – светло-бежевые стены, отлично сочетающиеся со светлым деревом мебели, неяркие потолочные светильники, большая картина в простой раме – букет полевых цветов в глиняном горшке. Ничего лишнего, вполне стильно и со вкусом.

Странно, вроде бы если дверь открыта, то оставила бы мадам папку в прихожей, но там ничего не было.

Я прошла через прихожую и огляделась, пытаюсь понять, где кабинет Сарычева.

Толкнула первую попавшуюся дверь – это оказалась кухня.

Большая, светлая, такие же бежевые стены, светлая мебель, светлая плитка на полу. Чистота и свежесть, только в одном месте рядом со столом кто-то разлил варенье. Судя по количеству, целую банку. Варенье, скорее всего, клубничное. И там же рядом с лужей варенья валялся тапочек. Милый такой, гламурный домашний тапочек с меховым помпоном, тоже измазанный вареньем. Скорее, даже не тапочек, а изящная домашняя туфелька.

Я машинально шагнула вперед...

И тут увидела ногу.

Нога была босая – видимо, с нее как раз и свалилась тапочка. Нога была стройная, ухоженная, с ярко-красными ногтями.

Тут я подумала, что жене Сарычева стало плохо, она потеряла сознание и упала. Потому и не открывала дверь.

Я обошла стол, наклонилась...

И тут мне самой стало плохо. Меня едва не стошнило.

На полу лежала женщина в полурасстегнутом халате. Миленький такой халатик, коротенький...

Женщина эта была мертвая.

То, что я в первый момент приняла за клубничное варенье, было кровью.

Крови было ужасно много. Я даже не думала, что ее так много в человеке.

А в шее у нее, чуть выше ключицы, торчала рукоятка ножа.

Нож был обычный, кухонный, с деревянной ручкой. У меня самой есть такой нож.

Как только я осознала, что женщина мертва, меня как ветром сдуло из кухни.

Я вылетела в прихожую, пересекла ее в долю секунды и уже хотела открыть дверь...

Но тут за этой дверью раздались осторожные шаги, и прозвучал женский голос:

– Арсений Николаевич, вы дома?

Я застыла и перестала дышать.

– Арсений Николаевич, у вас все в порядке? Это Клавдия Семеновна, соседка ваша!

Дверная ручка чуть заметно шевельнулась.

Тут я вспомнила, что дверь не заперта, и любопытная соседка запросто может войти в квартиру, как сама я за несколько минут до того.

Она войдет и увидит меня...

Я взглянула на себя ее глазами.

По-прежнему растрепанная и взмыленная, с безумным взглядом, да еще... еще на правой ноге у меня были красные капли. Умудрилась вляпаться в кровь.

Вот тут я по-настоящему разлилась на Сарычева.

Вот почему он не пошел сам за этой дурацкой папкой! Нога у него, видите ли, болит! По лестнице ему не подняться!

Сволочь! Мерзавец!

Он убил свою жену и решил свалить все на меня! И я все сделала, чтобы его план сработал! Сейчас соседка увидит меня на месте преступления – и все, мне кранты!

Если увидит.

Значит, я не должна этого допустить...

И я вцепилась в дверь что было сил.

С той стороны кто-то попытался открыть дверь – но я держала ее крепко, и дверь не поддавалась.

– Арсений Николаевич, что у вас за шум был? У вас все в порядке? У вас ничего не случилось?

Она еще немного помолчала, прислушиваясь. Я стояла, не шевелясь, даже перестала дышать, но сердце билось так громко, что его, наверное, было слышно за дверью.

– Я знаю, что вы дома! – мстительно проговорила соседка. – Откройте! Откройте сейчас же!

Тишина.

– Я вызову полицию!

Медленные удаляющиеся шаги.

Хлопнула дверь.

Я знала, что она, может быть, только сделала вид, что ушла, а сама караулит на лестнице. Или следит через дверной глазок. Но больше не было сил оставаться в этой страшной квартире.

Напоследок я в последний раз огляделась – и тут заметила под столиком синюю пластиковую папку. Ту самую, за кото-

рой Сарычев меня послал.

Машинально я подхватила ее, открыла дверь и выскользнула из квартиры.

На площадке никого не было – и я стремглав скатилась по лестнице. Вот хорошо, что сегодня собиралась на объект и на мне джинсы и кроссовки, в них бегать легко и можно ступать бесшумно!

Господи, о чем я думаю, тут же мысленно взвыла я – кроссовки, туфли... Там же лежит убитая женщина, а я только что была в этой квартире и наверняка там полно моих отпечатков!

И меня накрыло ужасом, как одеялом.

Не помню, как я скатилась с восьмого этажа, не помню, как выскочила из подъезда, не помню, как добежала до машины, помню только, как увидела, что этот негодяй, мой бывший шеф, сидит и спокойно читает газету. ГАЗЕТУ!

Тихо так, спокойненько, надел очки и читает себе. Еще бы музыку включил!

– Ну? – спросил он поворачиваясь. – Принесли?

И тогда я, не примериваясь, ткнула его кулаком в нос. Получилось очень удачно, очки слетели, а у него из глаз потекли слезы.

Потом я снова потеряла представление о реальности, помню только, что тряслась и била его куда ни попадя – по щекам, по лбу, пыталась таскать за волосы, рвала воротник ру-

башки и пришла в себя от резкой боли. Оказалось, он схватил меня за руки и больно сжал.

– Да что с тобой такое? – прошипел он. – Приди в себя! Что, крысу, что ли, в подъезде увидела?

– Ты... – прошипела я, – ты сволочь...

В самом дальнем краешке сознания всплыла мысль, что что-то неправильно, что раньше мы никогда с ним не разговаривали на «ты». Но теперь-то какая разница?

– Ты, гнида, мерзавец, решил меня подставить? – Теперь мной владел не страх, а жуткая всепоглощающая ярость, мне хотелось его убить.

Вот просто так обхватить руками эту шею и сжимать, сжимать, пока глаза его не вылезут из орбит и он не перестанет дышать. Но как это сделать, если он крепко держит меня за руки?

– Скотина! – заорала я, чтобы дать выход своему гневу. – Так вот как ты решил мне отомстить? И за что? За то, что меня черт дернул с тобой переспать? Да кто тебя заставлял?

Это была чистая правда, вот до сих пор не понимаю, как это случилось месяца три назад. Была какая-то вечеринка... Восьмое марта, что ли, или юбилей фирмы...

Вот скажите, пожалуйста, с чего мы так напились? Да вроде и немного было спиртного... в общем, я плохо помню, с чего это он повез меня домой... ой, а потом...

Я проснулась утром, в квартире никого не было. Но по некоторым признакам я поняла, что со мной был Сарычев.

Черт, черт, черт! Спать с шефом – это вообще кошмар какой-то!

Когда в понедельник я пришла на работу, он сделал вид, что ничего не было. Ну и ладно, тем более что никто из сотрудников ничего не заметил. Господи, он мне совершенно не нравится!

А через неделю он вызвал меня в кабинет и прочел нотацию. Как следует себя вести на работе и вообще... я, честно говоря, тогда так растерялась, что не сумела притвориться: да вы о чем вообще говорите? То есть сделать вид, что я вообще ничего не помню.

Впрочем, он бы не поверил. Потому что я кое-что помню. Хоть и хотелось бы об этом забыть.

Так бы и случилось, если бы этот... не хочу лишний раз употреблять неприличное слово, это опять-таки вбила в меня мама, так вот, если бы он просто сделал вид, что ничего не было. Совсем ничего. Так нет же, ему понадобилось читать мне нотацию! Да еще таким тоном... вот после этого я его возненавидела. И хотела уволиться, но ничего приличного не подворачивалось. Сейчас вообще трудно найти работу, я не собираюсь голодать из-за этого гада и придурка.

Все это промелькнуло в голове за долю секунды.

– Ты сволочь! – завела я прежнее. – Подонок, негодяй, лицемер и убийца!

– Убийца?

Я увидела совсем близко его глаза без очков, в них было

безмерное удивление.

– Ну, уж это ты загнула... – протянул он. – Кого это я убил?

– Ты еще спрашиваешь? – неожиданно ярость моя куда-то испарилась, ее заменило холодное бешенство. – Ты убил свою жену!

– Что-о? – Он отстранился и даже выпустил мои руки. – Детка, ты в своем уме? Что ты несешь?

Мне захотелось стереть с его лица эту мерзкую ухмылку.

– Радуешься? – прошипела я. – Недолго тебе осталось радоваться жизни. Думаешь, выйдешь сухим из воды?

– Какая вода? – оторопел он. – О чем это ты? Да что с тобой? Пила вчера, кололась?

– Да со мной-то как раз все будет в порядке! – сказала я как могла спокойно, хотя знала, что это не так. – Я к этому убийству не имею ни малейшего отношения. Жену твою я вообще два раза в жизни видела и то мельком, ни разу с ней не разговаривала, так что нет у меня мотива. Ни малейшего. А вот про тебя я точно знаю, и полиция сразу же точно скажет, что в таком деле первый подозреваемый – муж! Или в крайнем случае любовник!

– Какой любовник? – Сарычев нахмурился. – Ты о чем вообще-то? При чем тут моя жена?

– Бывшая... – ехидно поправила я, – то есть ты теперь бывший муж. Потому что нет у тебя больше жены, она там наверху в прихожей лежит мертвая.

– Постой... – Он вдруг побледнел на глазах, как будто кровь выкачали. – Ты что говоришь-то? Ты серьезно? Ты не шутишь?

– Какие шутки! – снова рассвирепела я. – Стала бы я так шутить! Это уже перебор! Русским языком тебе толкую, что нашла в прихожей твою жену убитую! Мертвую, понятно? То есть, конечно, если это правда она. Халатик такой – темно-розовый, оттенок симпатичный, вроде увядающего шиповника, у нее есть?

Теперь лицо его приобрело синюшный оттенок, он раскрыл рот и задышал часто-часто, как рыба, вытщенная на берег. И руки к сердцу прижал. Только я вот ни капельки ему не поверила. Артист погорелого театра! Нарочно меня туда послал, чтобы на меня все свалить! Сам ее убил, вызвал меня, потому что якобы водить не может из-за ноги. Ага, это еще проверить нужно, что там с ногой у него. Повязку наложить на здоровую ногу я тоже могу!

Сарычев дрожащей рукой вслепую шарил по дверце, чтобы открыть окно, и когда я это сделала за него, он отдышался немного. Не то чтобы порозовел, но синюшный цвет с лица пропал, теперь он был просто бледный.

Потом он пошарил на сиденье, ища очки, которые я сломала, когда дала ему в нос. Оправа наверняка дорогая, но я ничуть об этом не жалею. Заслужил.

Одно стекло треснуло, и правая дужка погнулась, тем не менее он надел очки и открыл дверцу. И даже газету с собой

прихватил, тогда я поняла, что он точно не в себе. Потому что все в офисе знают, что очки ему нужны только для чтения, а машину водить и пешком ходить он и так неплохо видит.

Он, наверное, задел больную ногу и скрипнул зубами, зацепившись брючиной за дверцу. И наклонился, чтобы отцепить, пробормотав ругательство.

И в эту секунду во двор влетели три машины с мигалками, не стали парковаться, остановились посередине дороги, и из машин посыпались люди. Из первой – трое в бронежилетах и с автоматами, из второй – штатские, один с докторским чемоданчиком, эти не очень торопились.

И наконец, из третьей вышел коренастый, даже полноватый такой мужик в форме и не спеша пошел к подъезду. Разумеется, к тому самому, где живет Сарычев, кто бы сомневался.

«Не больно-то он торопится», – машинально отметила я. С другой стороны, если их вызвали, как говорят в сериалах, «на труп», то торопиться уже действительно некуда, покойница никуда не убежит.

Мужчина в форме постоял возле подъезда и неторопливо оглянулся, окинув двор цепким взглядом. Но за долю секунды до того, как его взгляд упал на мою машину, я успела втянуть Сарычева внутрь и захлопнуть дверцу.

Вот не спрашивайте, почему я это сделала, действовала на автопилоте, не рассуждая.

Тут откуда-то возник во дворе пузатый мужчина с толстым пижонским портфелем. Шел он быстро, с самым деловым видом. Однако, увидев полицейские машины, споткнулся и вид свой деловой потерял. Приблизившись же к главному полицейскому, он и вовсе стушевался и заговорил что-то, размахивая руками, как мельница, едва не выронив свой портфель.

– Кто такой? – Я ткнула Сарычева в бок.

– Управдом наш. Жулик тот еще, – проговорил он одними губами.

Управдом что-то показывал наверх, потом замолчал с виноватым видом, наверное, оправдывался за неработающий лифт.

Мент от него отмахнулся и вошел в подъезд.

– Как они так быстро успели? – пробормотала я.

И тут вспомнила, что в дверь стучалась соседка... как ее, Клавдия какая-то-там, звала Арсения Николаевича и грозила вызвать полицию. Вызвала, стало быть. И вот что интересно, обращалась она именно к Сарычеву. Не к жене его, стало быть, знала, что она не может ответить? Значит, он ее убил и сбежал.

А потом послал меня за папкой? Чтобы подставить, свалить все на меня?

Глупо и нелогично. Уж что-что, а соображать Сарычев умеет, это все сотрудники знают. Казалось бы, убил – так и езжай себе на объект, а потом вечером сделай вид, что только

что приехал, вызывай полицию или что там еще полагается. А он вместо этого посылает меня, и дверь оставляет открытой, чтобы я вошла и увидела его мертвую жену.

Может, он думал, что я с перепугу стану хвататься за нее и за нож, чтобы оставить на орудии преступления свои отпечатки и перемазаться кровью? Ага, нашел дуру!

Вот, кстати, о крови.

Я вспомнила, что на белых кроссовках видела несколько капель крови. Ага, вот они.

Я тщательно стерла кровь салфеткой, а потом задала себе вопрос: «Что я, собственно, тут делаю? Уезжать отсюда как можно скорее! Нечего тут отсвечивать, еще запомнят машину!»

И тут оказалось, что уехать невозможно. Менты перерогородили своими машинами весь проезд, мне не выехать.

– Что делать? – Я задала это вопрос просто так, не ожидая ответа, но все же повернулась к шефу.

Можно сказать, что бывшему, поскольку его скоро арестуют по обвинению в убийстве. Да, но если его обнаружат в моей машине, то это просто кошмар, меня тоже арестуют и посадят в камеру! У него-то деньги есть, он адвоката хорошего наймет, а мне придется сидеть там...

Я закрипела зубами от ярости и ткнула этого злодея в бок.

– А? – Он повернул ко мне совершенно обалдевшее, бледное лицо. – Что такое?

– Что такое? – В последний момент я, к счастью, не проорала эти слова, а прошипела, как рассерженная гадюка. – Ты еще спрашиваешь, что такое?

И тут я поняла, что он меня не слышит. И не видит в упор. И не понимает, где находится. В ступоре он. В астрале.

– Эй! – Я помахала растопыренной рукой у него перед лицом. – Аллю, гараж!

Никакого эффекта.

– Гражданин Сарычев! – Я повысила голос. – Вы признаете себя виновным?

Вы не поверите, но помогло. Он очнулся и посмотрел почти осмысленно.

– Это не я, – сказал шеф, причем голос звучал как-то странно.

Но я поняла, что он не врет. Но может, он просто забыл? Память – это такая тонкая вещь... он сам ужаснулся того, что наделал, вот память и заблокировала все, что произошло.

Ладно, с этим к психоаналитику на прием, а мне бы ноги унести. То есть колеса. Не собираюсь оставлять здесь свою машину, менты небось проверят и по ней меня найдут.

В это время с проспекта подъехал грязно-белый пикап, сбоку у него было написано «Аварийная». Все ясно, вызвали ремонтников, чтобы лифт починили.

Увидев перегородившие дорогу машины, пикап негодующе засигналил. Тут же из подъезда выскочили четверо парней в бронежилетах, сели в первую машину и уехали. Понят-

но, что им там нечего делать – в квартире-то один труп.

Водитель второй машины аккуратно припарковался на свободном месте, видно, надолго здесь обосновался. Третий водила просто сдал назад, въехав, кстати, на газон очень близко от моей машины. Из аварии вышли двое парней и, переругиваясь с появившимся управляющим, зашли в подъезд, из которого как раз выходил тот главный мент, разговаривая по мобильнику.

– Да! – говорил он громко. – Так точно, место преступления оцепили. Угу, опрос соседей проводим.

Он ненадолго замолчал, видно, слушал, потом продолжил:

– Да там соседка, что рядом, полностью в курсе. Ругалась покойница с мужем как раз до этого, она крики слышала. А потом все тихо стало, она думала, он ушел, вроде даже дверь хлопнул. А после чего-то ей беспокойно стало, она и сунулась, а дверь открыта... ну, она полицию вызвала, то есть нас. Да точно, муж это, что тут думать-то. Значится, сейчас к нему на фирму, как ребята здесь закончат, берем тепленьким, сразу на допрос – и к вечеру дело закроем.

Он еще немного послушал, как начальственный голос рокотал в трубке, потом сказал:

– Так точно. Слушаюсь! – и убрал мобильник в карман.

Наконец машина уехала, и тогда я ощутила, что сжимаю руку шефа. Оказалось, я так вцепилась в его ладонь ногтями, что остались заметные следы.

– Это не я, – повторил он. – Я этого не делал. Я ее не убивал. Я, когда уходил, она была жива. Жива и здорова. Ты мне веришь?

– Пригнись! – приказала я, вырুলывая со двора. – Пригнись и помолчи пока!

Куда я еду, я и сама не знала, просто пыталась убраться от этого дома. Очень мне не понравился цепкий взгляд того главного мента. Не дай бог, машину мою запомнит...

– Не веришь, значит, – тянул свое Сарычев, – ну что ж, конечно. Раз уж ты не веришь, а ты меня знаешь... то что о других говорить... значит, никто не поверит...

Я взглянула на него искоса: вот с чего, интересно, он решил, что я его хорошо знаю? Если мы с ним раз переспали (черт меня дернул!), то уж сразу и узнали друг друга? Он так думает?

Захотелось ответить ему, как в старом анекдоте, «постель – не повод для знакомства», но момент для шуток явно неподходящий.

Тут я поняла, что шеф просто не в себе, раз несет такое. Теперь встал вопрос: верю я ему или не верю. Если он и правда не убивал свою жену, то нужно ему помочь, потому что закатают его по полной, как только поймают. Если же он мне врет, и все-таки он – убийца, то мне нужно срочно помочь себе.

И тут у него зазвонил телефон. Просто обычный звонок, как у стационарного телефона, никакой мелодии.

Шеф достал мобильник из кармана куртки, посмотрел на дисплей и нахмурился, потом осторожно нажал кнопку.

Сидя рядом, я услышала, как заорал в трубку бригадир Иваныч:

– Николаич, ты где ходишь-то?

Он всех называет по отчеству, только меня по имени, говорит, до отчества я не доросла.

– Работа у нас встала! – орал Иваныч. – Эти здесь сидят, штрафами грозятся, говорят, каких-то актов у них нету. Так ты подъедешь, а то они сильно злые?

– Уже в пути, – ответил Сарычев мрачно, – скажи, все документы у меня есть, мы их отправляли по имейлу, а что они не получили, так пусть проверят.

Иваныч заорал, что эти пещерные люди по внешнему виду вообще с компьютером незнакомы, но Сарычев уже отключился.

Тут я увидела справа по курсу стоянку у небольшого магазина и свернула туда.

– Вот что, господин Сарычев, – отчеканила я прежде, чем он успел что-то сказать, – и как это понимать?

– А что мне делать? – огрызнулся он. – Сидеть и ждать, когда меня арестуют? Или самому с повинной являться? Слышала – менты сейчас в офис поехали. А так хоть дело сделаю, Иванычу акты передам, а то у них вся работа встала.

– Я не об этом, – холодно сказала я, – оказывается, ваш телефон прекрасно работает. И для чего вы наврали мне, что

он разрядился? Чтобы подставить меня, позвонить по моему телефону, и теперь мой номер есть в телефоне вашей жены?

Я только сейчас осознала, что так оно и есть, и если менты проверят ее телефон, а они обязательно это сделают, то как я объясню, зачем ей звонила? Нет, все-таки шеф мерзавец, каких мало...

– Пошел вон из моей машины, – процедила я.

– Ты что, ты что? – Он отшатнулся, видимо, лицо у меня и правда было страшноватое. – Да что ты такое подумала?

– А что я еще могу подумать? – заорала я в полный голос. – За каким бесом тебе понадобился мой телефон, раз свой в порядке? Пошел вон из моей машины, видеть тебя не желаю!

– Ну ладно. – Он с силой втянул воздух сквозь сжатые зубы. – Мы и правда поругались. Здорово поругались, эта соседка вечно под дверью подслушивает, так небось и слышно было. Это из-за... – Он помедлил и нахмурился.

– Мне по барабану, – тут же вставила я, и это действительно было так. Ну из-за чего обычно супруги ругаются?

Бывает, конечно, из-за денег, так здесь не тот случай, жена шефа зарабатывала небось побольше его.

Может, она его с девицей застучала?

Да я вас умоляю, таких мужчин, как наш кристально честный шеф, только поискать. Исключая, конечно, тот прискорбный случай три месяца назад (черт меня тогда дернул!). Но я точно знаю, что про тот случай никто не знает.

Потому что нас никто не видел, а я не из тех дур, которые треплют про себя под большим секретом кое-что лучшей подруге, чтобы через некоторое время убедиться, что секрет знает весь мир (я не преувеличиваю, имея в виду социальные сети).

Это тоже вбила в меня мама в свое время, за что ей, конечно, спасибо, очень ценное качество, правда, поняла я это только недавно.

Стало быть, у его жены любовник, и шеф об этом узнал, вот и разорался. Ну, вот это меня совершенно не касается.

– Мне по барабану, – повторила я.

– Ну да, – вздохнул он, – конечно. В общем, я оттого и папку забыл, что злой был, как черт. И понял, что, если со своего телефона позвоню, она и не ответит. А так... она ответила, я попросил быстро, чтобы она тебе папку отдала.

– И что?

– И ничего, она отсоединилась. Вот клянусь тебе, она ответила! Жизнью своей клянусь!

Я хотела сказать, что мне его жизнь сто лет не нужна, и сам он тоже, но промолчала. И задумалась. Все-таки верю я ему или не верю? Сама не пойму...

Как-то все глупо и нелогично, как в плохом детективе. Ну для чего ему было посылать меня в свою квартиру, если там на кухне лежит его мертвая жена? А вот если он с ней поругался, то это кое-что объясняет. Просто не хотел еще раз с женой сталкиваться.

И еще один момент. Я наклонилась и внимательно обследовала обувь шефа. Сегодня он собирался на объект и тоже надел кроссовки. Новые, светлые, хорошей фирмы. И совершенно чистые.

Надо же, я всего-то пять минут пробыла в той квартире и то умудрилась запачкаться, а на нем нигде ни пятнышка. В то время как кровищи там...

Внезапно я снова дико разозлилась на Сарычева.

Ну за что мне это? За что он меня втянул в такое безобразие? Что я ему сделала?

– Ладно, едем на объект, пока все сроки не прошли! – Я развернулась и тронула машину с места.

Про себя же решила, что доведу его до места и оставлю там. Пускай он сам с проверяющими разбирается, а я уеду в офис. И если возьмут его менты, то не при мне. А я знать ничего не знаю про то, что он папку забыл и меня туда послал – так и быть ничего не скажу. Правда, соседка... ну, будем надеяться, что она меня не видела, а то уж не преминула бы ментам сообщить.

Наша фирма вообще-то занимается археологическим исследованием земельных участков.

Кажется, археология – наука, весьма далекая от коммерции. У большинства людей с ней ассоциируются раскопки в далеких южных степях, следы исчезнувших цивилизаций, обломки античных статуй или на крайний случай амфор...

в общем, всевозможная непрактичная и бесполезная романтика. Песни у костра под расстроенную гитару и все в том же духе, как в старых черно-белых фильмах.

Так оно, может быть, и было в прежние времена, которые я не застала. Но в последние годы все очень переменялось, и археология сделалась очень востребованной.

Дело в том, что перед любой новой стройкой теперь требуется провести археологическое обследование выделенного под эту стройку участка. Такое вот вышло постановление.

Требуется убедиться, что на этом участке нет ценных исторических или художественных артефактов, нет следов средневековых поселений или стоянок древнего человека. Вот не поверите, но так и сказано там, про древнего человека, как будто мы живем не на северо-западе, а в какой-нибудь Южной Америке или где там самую старую женщину-то нашли? Ее еще называли Люси...

Причем все эти работы проводятся не за государственный счет, а за деньги владельца участка или застройщика, так что проблем с финансированием нет. Все очень просто: хочешь, чтобы тебе разрешили строить, – будь любезен, оплати полноценное археологическое обследование участка.

Кажется, все это началось со строительства знаменитой газпромовской башни на Охтинском мысу. Тогда на участке нашли следы десятков поселений, начиная с эпохи неолита и кончая петровским периодом, и стройку перенесли-таки на другое место, поскольку ученые и общественность очень

возмутились.

В общем, так и получилось, что археологи стали весьма востребованы, и только в нашем городе появилось до тысячи фирм, занимающихся подобными исследованиями.

И наша в том числе.

Мы готовим проектную документацию, нанимаем работников и проводим все требуемые работы. На нас трудятся два профессиональных археолога, и, кроме того, каждый раз приходится набирать десятка два чернорабочих, чаще всего, гастарбайтеров. Потому что археологические изыскания – работа в основном ручная, кропотливая, нужно рыть множество раскопов и вручную перебирать многие тонны земли, чтобы найти следы минувших лет.

Или убедиться, что этих следов на выделенном участке нет.

Обычно так и бывает.

Обычно в процессе обследования наши работяги не находят ничего интересного – самое большее, треснутый водочный штоф восемнадцатого века, пару пуговиц от солдатской шинели, да еще какие-нибудь мелочи. Наши археологи описывают эти находки, готовят заключение, что они не имеют культурной и исторической ценности, и заказчик может наконец приступить к строительным работам.

Кстати, наши находки не берет ни один уважающий себя музей, поскольку такого барахла у них полные запасники, и мы по правилам должны закапывать их на прежнем месте.

Вам смешно? Мне тоже раньше было смешно, а теперь грустно. Хотя на самом деле мне по фигу.

Я-то на раскопках не работаю, сижу в офисе и занимаюсь документами. И езжу на объекты крайне редко, и шеф, кстати, тоже нечасто. Там у нас есть бригадир Иваныч, который хоть и жуткий матерщинник и скандалист, но дело свое знает.

Но вот два дня назад Сарычев отчего-то полез в раскоп и, вылезая, подвернул ногу. Даже в травмпункт ездил на снимок. Мужчины ведь очень мнительные, это бухгалтер Анфиса Павловна так сказала. Ну, она знает, сейчас у нее третий муж, и она всерьез утверждает, что это не предел. Так что, если бы не треклятые акты, шефу бы не понадобилось ехать на объект. И он не вызвал бы меня. И я не влипла бы в эту ужасную историю. Ну что уж теперь...

И я сосредоточилась на дороге.

В этот раз мы проводили археологическое обследование выделенного под застройку участка, расположенного за городом, на границе Шереметевского парка.

В восемнадцатом веке парк был гораздо больше, чем сейчас, и наш участок находился в его границах. Но после революции территорию парка значительно урезали, на освобожденном месте построили новое здание, в котором разместился научный институт. Этот институт занимается какими-то особыми токами – то ли высокой, то ли низкой частоты, то ли постоянными, то ли переменными, точно не скажу,

поскольку у меня в школе по физике всегда была тройка. Во всяком случае институт занимается чем-то сложным и секретным.

Но оказалось, что между территорией парка и институтом остался бесхозный участок, который в советское время спокойно зарастал травой и кустами, а потом какой-то ушлый бизнесмен ухитрился этот участок приватизировать, и вот теперь он хочет выстроить на нем загородный отель премиум-класса.

Перед чем ему по новым правилам положено произвести археологическое обследование, для чего он и нанял нашу фирму.

Фирма у нас для такого занятия довольно большая, двадцать пять постоянных сотрудников, объектов в работе несколько, самый главный сейчас этот.

Сотрудники все со специальным образованием, тут шефу надо отдать должное, он не лох какой-нибудь, работников подбирать умеет.

Опять-таки мне это все по барабану, но Анфиса Павловна знает его давно и очень хорошо о нем отзывается, хотя она тетка язвительная, оттого, наверное, ни один муж надолго не задерживается.

Может, вам интересно, как же я-то попала в эту фирму? А вот не поверите, но у меня тоже есть образование. Незаконченное высшее, если точно.

Родом я из далекого города Новоуральска. Город боль-

шой, есть в нем даже свой университет. В котором мой отец всю жизнь преподавал историю. Профессором даже стал, правда, не так давно. И всю жизнь про эту историю в доме были разговоры. И папаша даже в мыслях не держал, что его единственная доченька не пойдет по его стопам.

И даже решил послать меня учиться в Петербург, поскольку сам когда-то закончил там исторический факультет университета. Нажал на все педали, нашел кучу знакомых, потратил денежки на мою подготовку – и вот я студентка.

Скажу сразу: история меня никогда не интересовала. Больше того, учебой я вообще не слишком заморачивалась. Ну так, тройки, четверки, по информатике – пять. А согласилась я на все только из-за того, чтобы уехать из дома.

Характер у моего папочки отвратительный, в своей семье он был тиран и деспот. Врать не стану, бить он меня никогда не бил, но словами мог запросто размазать по стенке.

Лет с пяти доставал. С ребенком-то словами легко расправиться, тем более язык у него всегда подвешен был, все же лекции читал. Кстати, я уже после узнала, что студенты его не любили, поскольку лекции были скучные и как преподаватель он очень вредный был.

Надо сказать, что мама никогда с ним не спорила, как-то умела сгладить все углы, не помню, чтобы он так издевался над ней, как надо мной. За меня она, кстати, в открытую никогда не заступалась, так что лет с десяти я перестала ей жаловаться – толку-то.

Все же какие-то вещи она пыталась до меня донести, просто, по-житейски. И, как выяснилось позже, кое-что до меня дошло. И в голове осталось, не в пример папочкиным разговорам.

Но все же папочка решил меня выучить на историка, чтобы я потом работала в архивах, писала толстые монографии и прославила его фамилию (можете себе такое представить?).

И вот я студентка в большом городе.

Сразу начались неудобства. Денег, которые присылали родители, катастрофически не хватало, общежитие было ужасное, но самое главное: учеба. Мне понадобилась пара месяцев, чтобы понять: это не мое. Все, что пытались впихнуть в мою голову преподаватели, не то чтобы вылетало из нее, оно просто категорически не хотело туда попадать. И вовсе не потому, что я – полная дура. Ну не нравилась мне эта история, пыль веков и все такое прочее.

Однако пару лет я все же на факультете продержалась, просто замдекана нестрогий был. Но потом меня отчислили, к тому времени я уже работала то тут, то там, и мы снимали квартиру с одной девчонкой из Саратова.

Родителям я ничего про это не писала и летом не поехала в родной город, отговорившись подработкой, тем более что отец ворчал по телефону, что денег присылать скоро не сможет.

Потом я закончила секретарские курсы и устроилась на

постоянную работу, так прошло еще два года, и я вздохнула свободнее, у меня появился постоянный парень, и даже подумывали мы с ним о совместном жилье, надеясь сэкономить.

В общем, время было хорошее, а потом я написала родителям, что закончила учебу и получаю диплом. И пока я раздумывала, как смонтировать фотку, где я с сияющим лицом держу на весу корочки на фоне здания Двенадцати коллегий, мне позвонила мама. И сказала, что очень рада, что я получила диплом и что теперь она складывает с себя все обязанности по моему воспитанию и уходит от моего отца.

Признаться, я малость обалдела от такого известия и спросила только, куда она уходит.

Мама рассмеялась и сказала, что отец ей жутко надоел со своей историей и что двух историков она просто не выдержит, и вообще, ей давно пора начинать свою собственную жизнь, чего и мне она желает. После чего мама положила трубку, я даже не успела ничего толком выяснить.

Далее телефон ее не отвечал, и я выпросила на работе отпуск и полетела в Новоуральск. Отцу звонить я не стала, знала уже, что только на грубость нарвусь.

В родном доме я застала незнакомую довольно молодую бабенку, которая расхаживала по квартире в таком виде, что сразу стало ясно: она тут если не живет, то ночует, причем часто.

Отец выглядел помолодевшим, но неухоженным, у мамы

он был поаккуратней. Девицу он представил как свою аспирантку. На мой вопрос о маме он разразился потоком ругательств, и эта стерва так и стояла, слушая, нарочно не ушла. Да еще улыбалась так противно, что мне захотелось двинуть ей в морду. Еле удержалась.

Мне все же удалось кое-что выяснить у маминой подруги, которая и сама узнала обо всем недавно (как мама меня учила, не следует ничего выбалтывать про себя даже близкой подруге). Так что подруга обиженно сообщила мне, что мама уехала со своим коллегой, который в позапрошлом году овдовел, а в этом году получил в наследство квартиру в Москве от какой-то двоюродной тетки. И позвал маму с собой.

Она недолго думала, подала на развод и уехала, чтобы начать с ним новую жизнь. А про старую забыть.

Ну что ж, я решила, что раз она не хочет общаться с единственной дочерью, то и я навязываться не стану. Собрала кое-какие мелочи да и уехала.

Потом мне написала та же подруга. Сказала, что родители официально развелись и делили имущество. Из имущества у них была только квартира и дача. Мама взяла дачу, продала ее и перевела все деньги мне.

Я проверила – и правда перевела. Купила на эти деньги машину и больше с родителями не общалась.

С тем парнем мы разбежались, я пару раз сменила работу, сняла приличную квартиру и устроилась в эту фирму.

И все было хорошо, пока сегодня утром этот тип не втянул

меня в отвратительную историю.

Я выехала за пределы города по Северному шоссе, свернула на приличную асфальтированную дорогу и подъехала к границе Шереметевского парка.

По правую руку от дороги, за старинной кованой оградой, начинался сам парк, и за парадным лугом виднелся желто-белый ампирный дворец, украшенный изящной колоннадой. На круглой площадке перед дворцом красовался памятник тому самому графу, который разбил этот парк и построил дворец.

По левую руку, за простым металлическим ограждением, возвышалась серая бетонная коробка научного института, выстроенная на закате советской эпохи.

Я ехала между этими двумя мирами, между восемнадцатым веком и двадцатым, и вскоре впереди показались бытовки и хорошо знакомая строительная техника.

Это и был наш объект.

Мы приехали как раз вовремя, бригадир Иваныч уже созрел для рукоприкладства. И то верно, уж больно противный тип ждал шефа с договорами и актами. Худой, какой-то облезлый и потертый, с жидкими бесцветными волосиками, зачесанными на одну сторону. И глаза, как у снулой рыбы.

При нем была женщина неопределенного возраста в очках с залезанными волосами. Облезлый тип говорил тихим голосом, тетка, наоборот, стрекотала как сорока, сыпала цифф-

рами, номерами нарушенных статей и размерами штрафов.

В общем, я поняла, что мне там делать нечего, и тихонько стояла в сторонке, от скуки наблюдая за рабочими, которые тоже не слишком надрывались, поскольку Иваныч был временно не в лучшей форме и ослабил контроль.

Чуть в сторонке я заметила молодого человека, который тоже наблюдал за рабочими.

Пару раз мы пересеклись взглядами, а потом он подошел ко мне, осторожно обходя глинистые кучи. На нем был довольно приличный костюм и дорогие летние ботинки, так что работяги косились на него неодобрительно. Вообще, для такого молодого человека он выглядел как-то старомодно и чопорно – костюм с галстуком, белые манжеты рубашки выглядывали из рукавов.

– Здравствуйте, – сказал парень, приветливо улыбнувшись, – а вы кто же будете?

– А вы? – тут же ответила я, хотя знала, что нельзя отвечать вопросом на вопрос.

Это все мама: опять-таки нужно помнить, какое впечатление производишь на незнакомого человека. И никогда не хамить сразу: мало ли, кем он окажется?

Может, это как раз нужный тебе тип. А первое впечатление он уже о тебе составил.

Но сейчас я вовсе не была расположена вести светскую беседу. Хоть на мента этот тип и не похож, что он тут делает?

Парень, которого уместнее было бы назвать все же моло-

дым человеком, улыбнулся еще шире и представился сотрудником дворца-музея Федором, а фамилию я не расслышала, потому что Иваныч заорал на облезлого и порывался даже дать ему в морду.

Ну, он у нас вообще нервный очень и вспыльчивый, так что Сарычеву пришлось срочно вклиниться между ними, и Иваныч случайно попал ему в глаз.

Как ни странно, облезлый не полез в бутылку, видя такое отношение, и даже тетка перестала выплевывать цифры, как автомат – монеты. Иваныч тоже успокоился, и те двое уехали, прихватив акты и дав слово Сарычеву, что вышлют нам копии тотчас же.

Тут я спохватилась, что хотела умотать отсюда, пока Сарычев был занят разговором, а теперь уже поздно.

Я пошла было к машине, но снова перехватил меня тот парень из музея, Федор, что ли. Сказал, что рад познакомиться (хотя я даже не сказала, как меня зовут), что ему все тут очень интересно, и пригласил меня посетить этот самый дворец-музей (всю жизнь мечтала!).

И все отирался возле меня, вертелся под ногами и совал какой-то проспект, так что пришлось его взять. И в конце концов, меня окликнул Сарычев весьма недовольно:

– Ульяна, долго мне вас ждать?

Нет, как вам это понравится, а? Я что, персональным водителем к нему нанялась? Возить его вовсе не входит в мои служебные обязанности, тем более на своей собственной ма-

шине, я это делаю по доброте душевной, а он так по-хамски со мной обращается.

Я хотела высказать все, что думаю, но вертелся тут этот Федор, так что я молча села в машину и махнула ему рукой.

Ушел, слава богу. Вот с чего он ко мне привязался? Скучно одному было?

Я взглянула на проспект, который он мне подсунул.

На обложке был напечатан портрет важного господина, одетого по моде восемнадцатого века. Этот портрет кого-то мне напомнил.

Я пригляделась и с удивлением поняла, что этот вельможа похож на моего шефа, Сарычева. У него было такое же длинное лицо с тяжелым подбородком и высокими скулами. Про такие лица говорят «породистое».

Под портретом было написано:

«Владелец дворца граф Павел Петрович Шереметев».

– Что вы так на меня смотрите? – подозрительно осведомился Сарычев.

– Да ничего я не смотрю... – проворчала я.

С шефом мне разговаривать совершенно не хотелось, я была жутко на него зла, хотя злиться можно было только на свою нерасторопность – уехала бы сразу же, да и все. А я зазевалась, втянула себя в разговор с этим... как его... Федором, неудобно было его отшить, вот и везу теперь шефа... интересно куда?

Наконец я решила спросить, куда вообще ехать. В город?

В офис? Или сразу в полицию? Туда ни за что не поеду, пускай хоть пешком идет, мне без разницы.

Я покосилась на Сарычева, увидела, какой он подавленный, да еще и синяк под глазом намечается. А нос еще раньше распух, когда я ему очки разбила.

В общем, в глубине души у меня шевельнулся червячок жалости. Совсем маленький, но все же шевельнулся.

Я вздохнула, повернула ключ в зажигании, тронула машину с места и поехала обратно по той же дороге, по которой приехала, на этот раз в сторону шоссе.

И когда выехала к последней развилке, впереди послышалось тревожное завывание сирены, и я увидела приближающиеся со стороны шоссе полицейские машины с включенными мигалками. Их было то ли две, то ли три. На мой взгляд, слишком много.

– Полиция! – испуганно вскрикнул Сарычев и судорожно схватил меня за руку.

Как будто я сама не вижу!

Признаться, я тоже испугалась и, не успев подумать, резко повернула руль, свернув направо, чтобы разминуться с полицейскими.

Свернув, я оказалась на узкой, разбитой грунтовой дороге, которая шла между двумя рядами кустов по границе парка, между самим парком и территорией института.

Поначалу дорога была хорошая, очень скоро мы уехали довольно далеко, так что сирену почти не было слышно.

Я немного успокоилась и задумалась, с чего, собственно, так психанула и зачем вообще сюда свернула – надо было спокойно разминуться с полицией и ехать к шоссе, сейчас бы мы уже были в городе. Что, они каждую встречную машину стали бы осматривать?

Я хотела развернуться и ехать обратно, но для разворота не было места, дорога слишком узкая, по сторонам – густые кусты, так что оставалось ехать вперед, надеясь, что впереди дорога будет пошире и мне хватит места для разворота.

Я ехала на первой передаче, мысленно чертыхаясь, машина подсакивала на рытвинах, жалобно скрипя рессорами.

Тут еще Сарычев подлил масла в огонь.

Покосившись на меня, он спросил кислым тоном:

– Куда это ты едешь?

Я взглянула на него волком и ничего не ответила, потому что ответить было нечего. Но он на этом не остановился и продолжил:

– Зачем вообще ты сюда свернула?

– Зачем? – прошипела я, метнув в него убийственный взгляд. – А кто завопил: «Полиция!»? А кто меня за руку схватил? Вообще, хватать за руку человека за рулем – последнее дело! Мы могли в аварию попасть! Могли погибнуть!

– Ну, извини, я испугался...

– Испугался он! Вот и я испугалась, и с перепуга свернула на эту дорогу...

– И куда она ведет?

– Чтоб я знала! Может быть, к институту каких-то токов... больше здесь ничего нет.

– Да нет, к институту в другую сторону...

Дорога сделала поворот, и я увидела, что впереди, метрах в ста, она кончается, упираясь в какую-то серую бетонную постройку. Что-то вроде будки с железной дверью. Тупик, в общем.

И тут передние колеса въехали в глубокую лужу, из-под них брызнула грязь, и машина забуксовала. Под желтой глинистой водой оказалась глубокая яма.

Я дала задний ход, вернее, только попыталась это сделать – но вместо того, чтобы выехать из одной лужи, машина въехала задними колесами в другую. Я вдавила педаль газа – и тут мотор захрипел и заглох, и моя бедная машина встала намертво.

– Черт! Черт! – Я ударила кулаком по рулю.

– Приехали! – протянул Сарычев не без ехидства.

Я повернулась к нему, собираясь высказать все, что о нем думаю, но тут краем глаза увидела какое-то движение возле той бетонной будки, возле которой заканчивалась дорога.

Я повернулась и увидела какого-то человека, который возился с дверью.

Я открыла дверь и крикнула:

– Эй, мужчина, постойте! Мы тут застряли... не поможете нам? Как нам отсюда выбраться?

Но он, скорее всего, просто не услышал меня. Открыл дверь и скрылся внутри будки.

Ну, ничего, будка небольшая, он там вряд ли надолго задержится. Долго там нечего делать.

Я вылезла из машины (конечно, прямо в грязь) и заковыляла по обочине дороги к злополучной будке. И ведь новые же кроссовки!

Через полминуты за моей спиной раздались шаги Сарычева – он поплелся за мной, чтобы не оставаться один на один со своими безрадостными мыслями. А может, просто от скуки. Или вспомнил про то, что он все же мой начальник.

Да хоть бы сто лет его не видеть! Ой, надо было еще три месяца назад уволиться!

Я подошла к будке, потянула дверь.

Она открылась с жалобным скрипом.

За дверью было темно, изнутри пахло холодом и сыростью. И никого не было видно. Куда же исчез тот человек, который сюда только что вошел? Ведь я своими глазами это видела...

– Эй! – крикнула я в темноту.

Мне никто не ответил.

Тем временем мои глаза немного привыкли к темноте, и я увидела перед собой пустое помещение примерно два на два метра. Внутри никого и ничего не было.

– Куда же он делся? – недоуменно проговорил за моей спиной Сарычев. – Сквозь землю, что ли, провалился?

При этих его словах я невольно опустила глаза на землю – и тут поняла, куда пропал тот человек.

В бетонном полу будки был квадратный люк с железной крышкой и вделанным в нее кольцом.

– Помоги! – проговорила я, ухватившись за это кольцо.

Повторять не пришлось, Сарычев схватился за кольцо вместе со мной, и мы открыли люк.

Вниз уходили железные ступени.

– Ага... – проговорил Сарычев с умным видом. – Здесь должны быть какие-то подземные ходы и туннели еще восемнадцатого века, наверное, институт приспособил их для своих целей.

Сам же сказал, что институт далеко, а сам...

Он наклонился и крикнул вниз:

– Эй, друг! Помоги нам! Мы тут застряли! Одним машину не вытащить!

Из-под земли донесся невнятный звук, и снова все затихло.

– Да что же он... – Сарычев полез в люк, громыхая ступенями.

Что-то он больше не вспоминал о своей больной ноге.

– Куда вы? – всполошилась я. – Зачем нам туда лезть?

– А что, до вечера тут в грязи сидеть? – огрызнулся он, не глядя на меня. – Этот тип явно местный, может, подскажет что...

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. По-

тому что этот мерзавец может подземным ходом выйти куда-нибудь к цивилизации, а про меня забудет. И я буду сидеть тут до темноты. Можно, конечно, вызвать эвакуатор, но вот проедет ли он по этой дороге? Вряд ли...

Лестница была не очень длинная. Скоро мы оказались на твердом полу, и почти в полной темноте.

Сарычев что-то проворчал и включил свой телефон в режим подсветки.

Я мысленно ругнула его, вспомнив, как он говорил, что его телефон разрядился. Надо же, до сих пор работает! Ах, ну да, он же тогда все наврал... ой, надо было уже давно поменять работу!

Мы стояли в туннеле, стены и свод которого были обложены кирпичом.

Впереди туннель терялся в темноте. Точнее, нет – как раз далеко впереди мелькал какой-то тусклый огонек. Ну да, у того человека, который спустился сюда перед нами, должен быть фонарь, иначе он не смог бы так быстро уйти...

– Эй! – крикнул вслед ему Сарычев. – Эй, постой! Постойте! Да постойте же!

Незнакомец не отзывался. Скорее всего, он нас просто не слышал.

Сарычев прибавил шагу, теперь я едва поспевала за ним. Ага, а кто-то жаловался на подвернутую ногу... Ходить не может, водить не может... Вот ездил бы на своей машине, и ничего бы со мной не случилось. Надо было тоже ему

наврать, что у меня машина в ремонте. Да, задним умом-то мы все крепки.

При мысли о том, что я могла бы сейчас не торчать в сыром подzemелье, а сидеть в офисе и пить кофе с секретаршей Светкой, меня снова охватила злость.

– Стой! – крикнула я в спину боссу. – Видишь же, что он не хочет нам помогать! Пойдем обратно! Да пойдем же! Я там оставила свою машину без присмотра!

В ответ Сарычев пробормотал, что ничего с моей машиной не сделается, а ему интересно, куда ведет этот подземный ход.

Он и не подумал вернуться, наоборот, сделал еще несколько шагов вперед, вдруг споткнулся и выронил фонарь. То есть телефон.

Туннель погрузился в крошечную темноту.

– Да чтоб тебя... – пробормотала я, попыталась достать собственный телефон, но поскользнулась в темноте и упала. Тут на меня накатила волна паники. Я попыталась встать, но темнота была такая, что я перестала понимать, где верх, а где низ.

С трудом поднялась на четвереньки, проползла несколько шагов вперед, и вдруг пол ушел из-под меня, и я поехала вниз, как с детской ледяной горки.

Тут меня захлестнул беспредельный ужас.

В глухой первозданной темноте я скользила неизвестно куда и могла провалиться в бездну, в преисподнюю...

– Арсений! – вскрикнула я из последних сил.

Но мой жалкий голос затерялся в темноте подземелья – и никто на него не ответил.

К счастью, скольжение скоро прекратилась, я снова была на ровном полу.

Переведя дыхание, я сделала еще одну попытку нашарить свой телефон. На этот раз я его нащупала, попыталась вслепую включить, но вместо этого выронила.

Телефон брякнул о каменный пол.

Я снова пришла в ужас – если я не найду его или если он разбился, я навеки останусь в этой перевозданной тьме...

Я принялась шарить по полу – и вскоре нашла злополучный телефон и даже смогла его включить.

Бледный призрачный свет озарил кирпичные стены, сырой пол...

Я была в том же самом туннеле – и я была в нем совершенно одна, Сарычева не было видно.

На всякий случай я крикнула куда-то в темноту:

– Арсений Николаевич!

Ответом мне было только слабое эхо.

«Вот скотина, – подумала я с привычной ненавистью, – завлек меня в это дурацкое подземелье и бросил здесь... Интересно ему, видите ли. Нашел время изучать подземелья! У него полиция на хвосте, а он тут... нет, он точно больной. На всю голову».

Ненависть придала мне силы, у меня как будто открылось

второе дыхание. Я подумала, что ни за что не сдамся, выберусь отсюда и выскажу ему все, что о нем думаю...

Свет телефона, пусть слабый и бледный, придал мне толику решимости.

Я отряхнулась, огляделась по сторонам и решительно зашагала вперед... то есть назад, туда, откуда, по моим прикидкам, мы с Сарычевым пришли.

Туннель пошел вверх.

Ну да, ведь я скользила в темноте вниз – значит, сейчас должна подняться...

Вдруг впереди показалась развилка. Коридор раздваивался.

Куда же нужно идти – налево или направо?

Я заглянула в левый коридор, в правый...

Справа мелькнул какой-то далекий, едва различимый свет – и это решило вопрос.

Я пошла направо.

Так я шла несколько минут, и вдруг – о радость! – впереди показалась уходящая вверх железная лестница.

Воздух стал немного свежее. От этого мои силы удвоились, я вскарабкалась по этой лестнице, уперлась в железную крышку, с трудом подняла ее – и оказалась в той самой будке, откуда началось мое подземное путешествие...

Я открыла железную дверь – и в первый момент едва не ослепла от дневного света.

Я и забыла, как это прекрасно – свет дня, свежий воздух,

птичьё пение...

Я дышала полной грудью, впитывая свет всей кожей.

Потом огляделась – и увидела свою машину.

И удивилась: она стояла на сухом участке дороги и была развернута в обратную сторону, то есть в сторону шоссе, в ту сторону, откуда я приехала... сколько? – я взглянула на часы и с удивлением поняла, что все мои подземные скитания заняли всего час.

В первый момент я подумала, что это Сарычев выбрался первым из подземелья и каким-то удивительным способом сумел вытащить машину из грязи и развернуть ее к городу. И теперь дожидается меня.

С этой мыслью я направилась к машине, чтобы высказать ему все, что я думаю о человеке, который бросил беззащитную женщину в темноте и одиночестве...

Но Сарычева в машине не было.

В ней вообще никого не было. Чужого присутствия не ощущалось, в салоне чисто, и воздух свежий.

Я села на водительское место и перевела дыхание.

Значит, это не Сарычев развернул машину.

А кто тогда? Тот самый тип, который скрылся от нас в подземелье?

Вот уж не верю.

Да не все ли равно? Может быть, это какое-то здешнее доброжелательное божество, гений места, как говорили древние римляне. Или греки. Или призрак графа Шереме-

тева.

В любом случае мне здесь больше нечего делать, нужно отсюда убираться...

Я включила зажигание – и мотор уютно заурчал.

В последний момент мелькнула мысль о Сарычеве – как же я оставлю его здесь одного, – но тут же я вспомнила, как он брел вперед по туннелю, не обращая на меня внимания, а я кричала ему вслед со слезами в голосе, чтобы он не бросал меня одну.

«Да чтобы ты провалился!» – в сердцах пожелала я и нажала на педаль газа.

Очень скоро я выехала на Северное шоссе, а через полчаса уже была в городе.

Передо мной встал вопрос – куда ехать?

Но решила я его очень быстро.

Ехать нужно на работу. В конце концов, время еще рабочее, и у меня не выходной день и даже не отгул. Узнаю хоть у девчонок, что на фирме творится.

Я поставила машину на служебной парковке, вошла в двери офисного центра.

Внутри дежурил знакомый охранник Леша, но вид у него был какой-то странный, непривычно растерянный.

Увидев меня, он удивленно заморгал и проговорил:

– Ты, значит, это... пришла... а я уже думал, что ты сегодня не придешь...

– С чего бы это я не пришла? Сегодня же вроде рабочий день...

– А, ну да...

Мне показалось, что он что-то хочет сказать, но тут в дверях показался мужик из Техотдела, и Леша захлопнул рот и глазами показал мне, чтобы проходила.

Я прошла, поднялась на второй этаж, направилась к своей комнате, но путь мой лежал мимо кабинета шефа.

Я хотела уже пройти мимо, но вдруг увидела, что дверь немного приоткрыта.

Я решила, что Сарычев успел вернуться раньше меня и уже сидит у себя в кабинете.

От этой мысли я снова разозлилась. Надо же, я нервничаю, волнуюсь, а он сидит тут как ни в чем не бывало, бумажки свои перекладывает...

Я толкнула дверь, влетела в кабинет – и заготовленные слова застряли у меня в горле, как рыба кость, а сама я застыла на месте как громом пораженная.

В кабинете, за столом Сарычева, сидел его заместитель Кисляев. Кстати, ужасно противный тип, какой-то скользкий. И вроде бы даже внешность ничего, не урод, все на месте, а вот до чего противный... Голос вкрадчивый, взгляд неуловимый, смех неприятный...

И этот скользкий тип сидел на месте босса и невозмутимо рылся в его столе.

– Вы? – проговорила я удивленно. – А почему вы здесь?

Что вы здесь делаете? Почему вы на месте Арсения Николаевича?

Мои вопросы можно объяснить только нервным потрясением. Денек с утра выдался – не приведи, господи, так что я растерялась, а иначе ни за что бы таких вопросов не задала. Все-таки этот Кисляев – зам Сарычева, какое-никакое, а все же начальство. А начальству хамить – последнее дело...

Он задвинул ящик стола, в котором рылся, поднял на меня глаза, и в них промелькнуло какое-то странное выражение – не поймешь, то ли испуг, то ли торжество.

– Ах это вы, Ульяна... у вас какие-то вопросы? Если что, обращайтесь прямо ко мне... непосредственно... у меня такое правило – со всеми вопросами можете ко мне. А вы, собственно, откуда приехали? С объекта? Арсения Николаевича там не видели?

Я вылетела из кабинета, как ошпаренная, и тут мне навстречу попалась бухгалтер Анфиса Павловна.

Вид у нее тоже был растерянный, а увидев меня, она как будто удивилась, шагнула ко мне, огляделась по сторонам и зашептала:

– Хорошо, что я тебя встретила... может, ты знаешь, где он...

– Кто? – переспросила я удивленно. – Сарычев?

– Тсс! – зашипела она, и глаза ее снова испуганно забежали. – Тише! Что ты кричишь?

– Да что у вас здесь творится? Леша какой-то пришиб-

ленный, вы тоже... в кабинете Сарычева этот... этот... Кислый... что вообще случилось?

Кажется, у меня получилось очень убедительно показать удивление. Потому что все, что случилось в офисе, я примерно представляла. По крайней мере, в общих чертах.

Анфиса взглянула на меня диким взглядом и пробормотала:

– Так ты что, правда ничего не знаешь?

– Да что я должна знать?

Разумеется, я догадалась, о чем речь. И теперь меня беспокоило, не перегибаю ли я палку. Анфиса Павловна далеко не дура, все же в бухгалтерии с деньгами дело имеет.

Но в данном случае она охотно мне подыграла – ведь это большое удовольствие показать, что тебе известно больше, чем собеседнику.

– У нас была полиция! – зашептала она зловещим голосом. – Искали Арсения Николаевича!

– Полиция? – переспросила я, стараясь изобразить удивление. – С какой стати?

– Говорили, он убил свою жену! – прошептала она, стараясь скрыть восторг.

– Жену... – машинально повторила я – и перед моим внутренним взором предстала картина, которую я застала в квартире Сарычева – мертвое тело в луже крови...

Тут же я спохватилась и недоверчиво проговорила:

– Не может быть...

– Да, я тоже сперва не могла поверить... да и никто не мог... но там все улики на него показывают... Вроде бы они ругались, и соседка слышала звуки скандала. А потом все стихло, она и пошла проверить, как и что. А там... она убитая лежит. Кровищи, говорили, море...

– Что, так и вперлась соседка в квартиру? – проявила я недоверие.

– А там дверь была открыта! – выдала Анфиса.

Про дверь я и так знала, но покачала головой.

– Они говорят, что он ее убил и сбежал со страху. Поймай! – Анфиса вцепилась мне в рукав, глаза ее загорелись. – Это ведь он в твою машину сел! Сразу после убийства жены! И ты ничего не заметила, он какой был? Страшный?

– Ага. Глаза горят, весь в крови, в руках топор, – сказала я. – Анфиса Павловна, вы сами-то себя слышите? Ну, если бы я чего заметила, стала бы я спрашивать, какого черта у нас на фирме происходит?

– И то верно. – Анфиса потрясла головой. – Знаешь, как-то не верится мне, что он жену убил. Знаю его несколько лет, всегда такой мужчина сдержанный, вежливый, умный... По бабам не бегал, о жене худого слова от него не слыхала. Всегда думала, что они – хорошая пара. Впрочем, чужая душа – потемки... – И она удалилась от меня по коридору, в растерянности покачивая головой.

– Стойте! – раздался из темноты голос Ульяны. – Пойдите

же! Пойдем обратно!

– Сейчас... – пробормотал Сарычев, взглядываясь в стену.

На ней была привинчена блестящая металлическая табличка с какой-то надписью. Надпись была сделана латиницей, красивыми затейливыми буквами, и он ее не смог разобрать.

Шагнул ближе, чтобы осветить фонариком, то есть телефоном...

Вдруг подвернутая нога поскользнулась на чем-то влажном, Сарычев охнул от боли, потерял равновесие и упал, нелепо взмахнув руками. При этом он выронил телефон, и свет погас. На него обрушилась бездонная, непроницаемая тьма.

Из этой темноты донесся приглушенный голос Ульяны, потом звук падения и какой-то странный скрежет.

Сарычев хотел окликнуть девушку, но горло перехватило от боли в ноге, он закусил губу, а потом наступила тишина.

– Ульяна! – крикнул он в темноту и испугался собственного голоса – так непривычно он прозвучал во тьме.

Никто не ответил.

– Ульяна! – повторил Сарычев, и снова безрезультатно.

– Яна! – крикнул он, вспомнив, что она сердится, когда ее называют полным именем, и снова не получил ответа.

Он принялся шарить на полу, и – о счастье! – почти сразу нашел свой телефон. На ощупь нашел кнопку, и темнота озарилась голубоватым призрачным светом. Теперь он нашел в

настройках режим фонарика, включил его и огляделся.

За прошедшую минуту коридор вокруг него удивительным образом изменился: там, откуда он только что пришел, и где, по его представлениям, должна была находиться Ульяна, теперь виднелась глухая кирпичная стена. А вот металлическая табличка, которую он заметил перед тем, как упасть, была на прежнем месте.

Сарычеву стало страшно.

Он оказался один в темном и мрачном подземелье, выход назад, к свету и воздуху, был отрезан от него стеной, и Ульяна пропала неизвестно куда. Неприятная девица, но все же живой человек... с ней ему было куда спокойнее. Хотя о каком спокойствии можно говорить, когда... когда Лена лежит там, в их квартире, мертвая.

«Не может быть! – тут же уверил он себя. – Такого просто не может быть! Это невозможно!»

Он знает это только с чужих слов. Сначала Ульяна набросилась на него с кулаками, он думал, что она сошла с ума. Потом приехала полиция, и он собственными ушами слышал, как майор докладывал начальству об убийстве. Но все же он никак не мог поверить, что Лены больше нет.

Он вспомнил лицо жены, каким видел его в последний раз – перекошенное ненавистью, с некрасиво искривленным ртом, из которого лились такие слова, которых он от нее никогда не слышал. Он – не нежная фиалка, многое в жизни повидал, когда создавал свой собственный бизнес, и сейчас

у него в подчинении грубые работяги, но слышать такое от собственной жены...

Нет, он никак не может поверить, что тогда, когда уходил из дома, он видел ее в последний раз.

В глубине души какой-то трезвый голос твердил ему, что он поступает, как глупый страус, пряча голову в песок, чтобы уйти от проблем, но он предпочел не слышать голос разума хотя бы недолго.

Сарычев подошел к новоявленной стене, постучал по ней кулаком. Стена была самая настоящая, прочная, он отбил об нее костяшки пальцев, но стена и не шелохнулась. Тогда он перешел к стене с табличкой и направил на нее луч фонаря.

Надпись была не на английском, который Сарычев худо-бедно знал, а на каком-то другом европейском языке.

Приглядевшись, он подумал, что это французский.

Ну да, конечно, во времена графа Шереметева, когда строили дворец и подземелья, французский язык был в ходу. Но сам-то он его вовсе не знает...

Хотя какие-то слова показались ему смутно знакомыми... вот, например, «Entrer»... это слово попадалось ему в парижском аэропорту. Кажется, оно значит «выход»... или «выйти»... ну да, похоже на английское «Enter»... а вот это – «Cliquez»... похоже на «клик», «кликнуть»... то есть попросту, нажать...

Он нажал на злополучную табличку – во всяком случае, хуже от этого не будет... куда уж хуже...

Ничего не произошло.

Он еще раз пробежал глазами надпись на табличке.

Рядом со словом «Cliquez» было еще одно смутно знакомое слово – «Fin». Ну, ясно – это значит «конец», «финиш». Это слово появлялось в конце старых французских фильмов.

Выходит, «Cliquez fin» означает «Нажать на конец»... глупо как-то.

Он попробовал нажать на само слово «Fin», но опять ничего не произошло. Да и странно на что-то надеяться... неизвестно, сколько лет повисела здесь эта табличка, неизвестно, кто ее здесь оставил, неизвестно даже, что на ней написано...

На всякий случай он пробежал надпись до конца, не найдя больше ни одного знакомого слова.

В самом конце надписи стоял восклицательный знак.

Сарычеву показалось, что этот знак вырезан глубже всех остальных букв и знаков на табличке.

Машинально Сарычев нажал на этот знак – и вдруг стена медленно поползла в сторону, как дверь купе в вагоне. За ней обнаружился темный проход.

Сарычев опасливо заглянул в этот проход.

За ним был туннель вроде того, по которому они с Ульяной шли с самого начала, только этот туннель был заметно уже, и потолок ниже, так что Сарычев едва не задевал его головой. Кроме того, по кирпичным стенам кое-где сочилась вода, скапливавшаяся на полу в мелкие лужицы, и воздух

был сырым и холодным.

Впрочем, других вариантов все равно не было.

Сарычев пошел вперед, освещая путь фонариком.

Он шел так примерно полчаса. Туннель начал понемногу подниматься вверх, он стал суше и просторнее. Свод потолка тоже поднимался все выше и выше, теперь он скрывался в темноте высоко над головой. Кроме того, Сарычев почувствовал лицом движение воздуха, и воздух этот стал заметно теплее.

Все эти приметы внушали сдержанный оптимизм, и он немного прибавил шагу, насколько позволяла его поврежденная нога. Хотя надо признаться, болела она меньше.

И тут туннель оборвался, точнее – уперся в глухую кирпичную стену, верхний край которой скрывался в темноте.

– Приплыли! – проговорил Сарычев вполголоса.

Если до сих пор он не позволял себе впадать в панику, то теперь приходилось признать – его положение было безвыходным. В самом буквальном смысле слова. Вперед пути не было, позади тоже был тупик... что делать? А на воле ждали его полицейские с трудными вопросами и обвинениями...

Заряд телефона скоро подойдет к концу, и он останется в полной темноте, безо всякой надежды на спасение.

Без пищи человек, говорят, может прожить две недели. Без воды – только три дня. Впрочем, вода здесь как раз есть, она сочится по стенам, скапливается на полу.

Сарычев представил себе, как он сидит в темноте и лижет

влажные стены, чтобы не умереть от жажды...

Нет, чем мучительно умирать несколько дней в крошечной темноте – лучше оборвать это разом... Возможно, таким образом решатся все его проблемы...

Когда-то давно, в молодости, Сарычев ходил в горы. Там он часто бывал в смертельно опасных ситуациях – но не испытывал такого страха, как сейчас, потому что вокруг был бескрайний простор, над головой – небо, и дышалось ему легко и свободно. А сейчас на него давил груз многотонной тьмы...

И чем мог помочь ему здесь, глубоко под землей, опыт горных восхождений?

Он на всякий случай еще раз оглядел стену, в которую упирался туннель, осветил ее фонариком снизу доверху и даже постучал по ней костяшками пальцев...

Звук был глухой. Никакой пустоты за этой стеной не было.

Он отступил назад, чтобы оглядеть стену, и при этом снова поскользнулся на влажном полу.

На этот раз ему удалось сохранить равновесие, но телефон выскользнул из руки и упал на пол возле самой стены.

Сарычев охнул – но все обошлось, телефон даже не погас, он по-прежнему освещал стену.

Но теперь свет падал на стену под острым углом, и в боковом освещении на стене выступили незаметные прежде детали. Теперь стало видно, что некоторые кирпичи немного выступают из стены. Немного, но все же выступают...

А еще...

Подняв голову, Сарычев увидел, что между верхним краем стены и потолком туннеля есть небольшой зазор.

Впрочем, это снизу зазор казался небольшим, а так, возможно, через него можно протиснуться...

Прежде чем поднять с пола телефон, Сарычев запомнил расположение выступающих из стены кирпичей. У него была хорошая зрительная память, и это расположение отпечата­лось в его голове, как чертеж строительного объекта.

Он вспомнил свои горные походы, нащупал ногой первый выступающий кирпич, поставил на него ногу, перенес на нее вес тела, нашел следующий кирпич... но теперь нужно было перенести вес тела на подвернутую ногу...

Тело пронзила боль.

Но Сарычев сжал зубы, преодолел боль и продолжил му­чительное восхождение.

Еще один шаг... он с трудом перевел дыхание, опершись на здоровую ногу, собрал в кулак волю и поставил больную ногу на следующий выступ стены.

Так он и поднимался, чередуя боль и короткий отдых. От­дыхать приходилось все чаще.

Скоро он поднялся уже до половины стены.

Скосив глаза вниз, увидел, что его отделяет от пола не меньше трех метров. Если сорвешься – насмерть не разо­бьешься, но больную ногу еще больше изувечишь, а это зна­чит, застрянешь в подземелье навсегда...

Поднял глаза вверх – и увидел, что зазор между стеной и потолком стал шире. Через него точно можно пролезть...

Это внушило некоторый оптимизм, и Сарычев полез вверх с новыми силами.

Еще несколько минут мучительного восхождения – и он добрался до потолка, точнее, до зазора между потолком и стеной. Подтянулся, втянул голову и плечи в зазор, с трудом протиснулся в него, подумав при этом, что давно пора сесть на диету – и наконец оказался в узком и темном горизонтальном проходе.

Он расслабился и перевел дыхание. Все мышцы болели после непривычных усилий, но он все же добрался...

Только что теперь? Не оказался ли он в очередном тупике?

Ну что ж, нужно двигаться вперед – только так он это узнает...

И Сарычев пополз вперед.

Вскоре дышать стало легче, и впереди возникло едва различимое пятно бледного света.

Он прополз еще несколько метров по узкому пыльному лазу и оказался перед пластмассовой решеткой. По другую сторону этой решетки был свет, воздух, там была жизнь.

До Сарычева дошло, где он находится – в вентиляционном канале. Он подергал решетку, которая отделяла его от свободы. Она была довольно хлипкая, и первым его побуждением было просто выломать ее, но потом он заметил, что

решетка держится на двух винтах.

Нашарив в кармане мелкую монету, он вывернул эти винты, снял решетку и выбрался из вентиляционного короба.

Переведя дыхание, он пристроил решетку на прежнее место и огляделся.

Он оказался в небольшой комнате, заставленной ломаной старинной мебелью и составленными к стене пыльными картинами в массивных золоченых рамах.

Внезапно Сарычев почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

Он обернулся и заметил, что из темного угла комнаты на него смотрят строгие темные глаза под кустистыми бровями.

Сарычев попятился и смущенно проговорил:

– Извините, я попал сюда случайно...

И тут он осознал, что разговаривает с картиной. Это был прислоненный к стене портрет мужчины средних лет в расшитом золотом мундире с атласной орденской лентой на груди.

У него было выразительное, как говорят, породистое лицо с тяжелым подбородком и высокими скулами.

Это лицо показалось Сарычеву смутно знакомым, но он не смог вспомнить, где его видел.

Ему даже не пришло в голову, что видел он это лицо каждый божий день...

Сарычев тихо засмеялся над своей ошибкой.

Он понял, куда попал: во дворец графа Шереметева, рас-

положенной в том же парке, что и научный институт.

Комната, в которую он выбрался, – кладовая, или запасник, куда сложили мебель и картины, нуждающиеся в реставрации или просто не нужные в экспозиции дворца.

А строгий мужчина на портрете – это граф Шереметев собственной персоной.

То есть из подземелья-то он как-то выбрался, но если охрана или сотрудники музея найдут его здесь, запросто могут задержать, заподозрив в попытке украсть музейные ценности, и передать полиции, а там уже быстро установят его личность и арестуют по подозрению в предумышленном убийстве...

Короче, чтобы остаться на свободе, ему нужно незаметно выбраться из дворца.

Сарычев тихонько подошел к двери и повернул ручку.

Дверь, к счастью, не была заперта.

Он выглянул в щелку, никого не увидел и выскользнул из кладовки. Он оказался в длинном полутемном коридоре, тускло освещенном старинными бронзовыми светильниками.

В коридоре не было ни души, и он пошел по нему, опасливо оглядываясь по сторонам.

Вскоре коридор закончился.

Сарычев остановился перед высокой резной дверью, украшенной гербами и геральдическими животными.

Он тихонько толкнул ее, и дверь медленно отворилась.

За дверью обнаружилась пыльная бархатная портьера. Прежде чем отдернуть ее, Сарычев осторожно выглянул в щелку.

За портьерой было большое помещение с высокими стрельчатыми окнами, стенами, до половины отделанными резными деревянными панелями, и полом, покрытым черно-белыми мраморными плитами. В глубине этого помещения находился большой камин, отделанный черным мрамором, над которым висел геральдический щит, разделенный на четыре части разного цвета.

Центр комнаты занимал длинный стол, окруженный стульями черного дерева с высокими резными спинками, стилизованными под готику. Впрочем, вся эта комната была оформлена в готическом, средневековом стиле – щиты и гербы на стенах, по сторонам камина стояли рыцарские доспехи с опущенными забралами.

В дальнем конце комнаты стоял громоздкий, окованный железом сундук, рядом с ним имелась еще одна дверь. Как и первая, она была украшена резьбой.

Сарычев бесшумно выскользнул из-за портьеры и направился было к этой двери, но тут совсем рядом он услышал какой-то подозрительный звук, как будто по каменному полу тащили что-то тяжелое.

Он испуганно метнулся в сторону и спрятался за рыцарскими доспехами, возвышавшимися сбоку от камина.

Едва он успел спрятаться за рыцаря, снова раздался тот

же звук – и на этот раз Сарычев заметил, что кованный сундук немного сдвинулся со своего места, и из-за него, потирая колени и отряхиваясь от пыли, выбрался какой-то человек.

Это был тот самый мужчина, который вошел в будку на границе парка, в будку, где был вход в подземелье, в будку, откуда началось опасное и удивительное подземное путешествие Сарычева.

Теперь Сарычев смог разглядеть его лучше. Мужчина был лет около пятидесяти, худой, сутулый, невысокого роста. Но отчего-то сразу было ясно, что ни о какой слабости этого человека не может быть и речи, что внутри его есть некий стержень, который поможет ему выдержать и добиться многого.

Сарычев понял, что с этим мужчиной лучше не связываться. Это может плохо кончиться.

Выбравшись из-за сундука, незнакомец что-то негромко пробормотал, затем опасливо огляделся по сторонам, достал из-за пазухи сложенный вчетверо лист желтоватой бумаги, взглянул на него и направился к камину.

Сарычев замер в испуге – он подумал, что незнакомец заметил его. Однако тот остановился возле самого камина, устался на стену и принялся вслух отсчитывать деревянные панели облицовки:

– Один, два, три... восемь... двенадцать... четырнадцать... восемнадцать...

Остановившись около очередной панели, он осторожно ощупал ее руками, постучал по ней костяшками пальцев и

отступил с разочарованным видом, пробормотав вполголоса:

– Опять не то... опять неудача... сколько можно...

Разочарованно вздохнув, он вернулся к камину, остановился перед ним и поднял голову к геральдическому щиту.

Как Сарычев уже заметил, щит был разделен на четыре части, или четыре поля – два красных и два голубых. На красных полях были изображены серебряные деревья, на голубых – золотые геральдические звери, отдаленно похожие на леопардов.

Незнакомец снова взглянул на свою шпаргалку, что-то прошептал, поднялся на цыпочки и нажал рукой на голубое поле с геральдическим леопардом.

И тут где-то под потолком оглушительно завывла сирена. Видимо, сработала охранная сигнализация.

Незнакомец от неожиданности вскрикнул, присел, потом попятился, испуганно закрутил головой. Затем он, видимо, пришел в себя и бросился к стене рядом с сундуком.

Там он нажал на одну из деревянных панелей обшивки, еще что-то сделал, и в стене открылась небольшая потайная дверь.

Незнакомец юркнул в нее и закрыл дверь за собой.

Сарычев выскользнул из своего тайника и бросился было к той же потайной двери, но тут обычная дверь комнаты начала медленно открываться.

Сарычев понял, что не успеет добежать до потайной двери

и уж тем более не успеет ее открыть.

Он метнулся назад и снова спрятался за спиной у безмолвного рыцаря, возблагодарив бога, что рыцарь, за чьими доспехами он скрывался, был мужчиной крупным, высокого роста, так что места за ним было достаточно.

Дверь тем временем открылась, и в комнату медленно, неспешно вошел толстый человек лет тридцати с небольшим, в черном, неловко сидящем костюме, с обсыпанными перхотью плечами и наивным, почти детским выражением лица. На поясе у него болталась громоздкая рация. Судя по рации и выражению хронической скуки на лице, это был музейный охранник.

Войдя в комнату, он огляделся по сторонам, неспешно обошел вокруг стола и заглянул за портьеру. Никого не найдя, он снял с пояса рацию, нажал на ней кнопку вызова и прокричал, как будто плыл на корабле и хотел перекрыть рев бури:

– Михалыч, Михалыч, ты меня слышишь? Не слышишь? И я тебя тоже не слышу...

Он удивленно посмотрел на рацию, постучал по ней ногтем, нажал другую кнопку и снова заорал:

– Михалыч, ты меня слышишь? Теперь слышишь? Так вот, тут опять ничего! Опять, говорю, ложное срабатывание! Да и кому здесь быть? Разве что кошка пробежала! Кошка, говорю! Третий раз на этой неделе! Говорю тебе, нужно тех орлов вызывать, пускай чинят свою сигнализацию или от-

ключают ее к чертовой матери, я уже задолбался сюда бегать! По три раза на дню! Зря мы им, что ли, большие деньги платим? Ну, допустим, не мы, но платим же!

«Не очень-то ты спешил! – подумал Сарычев. – И вообще, можно подумать, у тебя дел невпроворот».

Тут он вспомнил, что у него самого много неоконченных дел, и над ним дамокловым мечом висит обвинение в убийстве, а он тут теряет время, и расстроился.

Охранник тем временем выслушал распоряжения невидимого Михалыча, еще раз церемониальным маршем обошел вокруг стола и неспешно покинул комнату.

Сарычев на всякий случай подождал еще пару минут, затем выбрался из-за молчаливого рыцаря и пересек комнату.

Подойдя к стене в том месте, где таинственный незнакомец нашел потайную дверь, он простучал несколько стеновых панелей.

Одна из них определенно звучала иначе, чем остальные – куда более звучно.

Сарычев попытался вспомнить, что делал незнакомец. Сначала он нажал на подозрительную панель, затем ощупал ее края – и действительно, на одном из краев нашел едва заметный выступ, похожий на головку задвижки. Нажал на этот выступ – и панель откинулась, оказавшись потайной дверцей.

Сарычев, который уже раз за этот день, шагнул в темноту и неизвестность.

Он сделал несколько шагов и остановился, потому что услышал совсем близко незнакомый голос. Голос был хорошо поставленный, с вальяжной хрипотцой.

– В этой комнате граф Шереметев устраивал свои знаменитые музыкальные вечера. На них собирался весь высший свет Петербурга, иногда сюда приезжала сама императрица...

– Какая императрица? – прозвучал женский голос.

– Екатерина Великая, разумеется!

Сарычев сделал еще шаг на голос, и в темноте проступила едва заметная полоска света.

Он выглянул в щелку и увидел круглый зал с колоннами, там стояла небольшая группа экскурсантов, перед которой вещал экскурсовод, пожилой господин в замшевом пиджаке, с ярким шелковым платком на шее.

– На этих музыкальных вечерах звучали произведения Генделя и Глюка...

Сарычев попробовал расширить щелку, и это ему удалось. Еще немного – и он сумел в нее протиснуться...

И оказался в огромном камине.

К счастью, этот камин уже очень давно не топили, и в нем не было ни огня, ни даже остывшей золы. Только лежали на кованой решетке несколько декоративных поленьев, покрытых толстым слоем слежавшейся пыли.

С внешней стороны камин был заслонен красивым экра-

ном – ширмой из блекло-голубого шелка, на которой были вышиты танцующие журавли и увядающие хризантемы.

Этот экран удачно заслонял Сарычева от экскурсовода и посетителей музея.

Он немного выждал, и когда все отвернулись от камина и посмотрели в другую сторону – а именно, на редкий вертикальный рояль, который показывал экскурсовод, выскользнул из-за экрана и присоединился к группе экскурсантов.

Строгая дама средних лет, возле которой остановился Сарычев, взглянула на него неодобрительно – видимо, ее смущала пыль на его костюме.

Однако она ничего не сказала и снова повернулась к экскурсоводу, который продолжал разливаться соловьем.

– Граф Шереметев, в чьем дворце мы находимся, был не только одним из самых просвещенных людей своего времени, но также одним из самых богатых. По легенде, ему принадлежал фрагмент знаменитого Павлиньюго трона...

– Павлиньюго трона? – переспросила соседка Сарычева. – Что это за трон такой?

– Павлиний трон – это золотой трон Великих Моголов, династии, правившей в Индии в шестнадцатом-семнадцатом веках. По сообщениям европейцев, побывавших в те времена в Индии, в частности известного французского путешественника Тавернье, это был самый роскошный трон в мире.

Подданные приближались к этому трону по серебряным ступеням, ножки у него были золотые и богато украшены

драгоценными камнями, спинку трона украшали два павлиньих хвоста из золота, украшенные эмалью с алмазными и рубиновыми вставками.

Павлиний трон семь лет создавали лучшие мастера Индии. На его украшение пошли в огромном количестве жемчуг и рубины, изумруды и шпинели, сапфиры и алмазы. Эти самоцветы выглядели как разноцветные перья в хвосте павлина.

Самыми ценными камнями Павлиньего трона были алмазы «Шах Акбар» и «Великий Могол», знаменитый «рубин Тамерлана», огромный алмаз «Большая скрижаль» и уникальный алмаз «Шах»...

При разграблении Дели в 1739 году персидский правитель Надир-шах вывез Павлиний трон в свою столицу. Русский купец Афанасий Севрюгин, который видел этот трон в Персии, написал российскому консулу в Исфаган:

«При виде такого сказочного богатства можно было лишиться ума. Сей Павлиний трон заключал в себе более ста пудов чистого золота. Одних только оправленных в золото яхонтов, смарагдов и алмазов (среди которых знаменитый «Кохинор») было столько, что их везли на двадцати верблюдах. Мелких алмазов было не меньше тридцати пудов, а жемчуга столько, что его и не стали считать».

– Сто пудов? – спросила любопытная соседка Сарычева. – Это сколько же по-нашему?

– В современных терминах это больше полутора тонн.

– Ничего себе!

– А где сейчас находится этот трон?

– К сожалению, он не сохранился. Вскоре после того, как Надир-шах привез трон из Дели, его собственную столицу захватили и разграбили курды. Они разобрали Павлиний трон на мелкие части и продали все золото и драгоценные камни скупщикам из Багдада и Алеппо... так что этого выдающегося творения индийских мастеров больше не существует...

– Какая жалость!

– Да, действительно... мы можем судить о нем только по воспоминаниям современников и по немногочисленным сохранившимся изображениям...

– А что такое смарагды и яхонты?

– Смарагды – это старое русское название изумрудов, а яхонты – это рубины...

Любознательная дама все не понимала.

– А как фрагмент этого индийского трона оказался у графа Шереметева?

– Ну, во-первых, граф был сказочно богатым человеком и охотно покупал всякие редкости и диковины, так что мог купить и фрагмент знаменитого трона. Но я же сказал вам, что это – всего лишь легенда. Почти двести лет, со смерти старого графа, этот драгоценный артефакт безуспешно искали сначала его наследники, а потом – сотрудники музея, размещенного во дворце. Если бы он существовал, его давно

бы уже нашли...

Экскурсанты стали оживленно обсуждать немислимую роскошь восточных владык и русских вельмож прошлых столетий.

Сарычев воспользовался этим, незаметно отделился от группы и выскользнул из музыкальной гостиной.

Третью неделю Асаф-бек, посланец афганского правителя, жил на постоялом дворе. Каждый день в сопровождении единственного слуги он приходил ко дворцу падишаха, каждый день выходил к нему толстый напыщенный слуга, каждый день смотрел на афганца так, словно видел его первый раз, каждый день важно кивал и говорил, что непременно передаст просьбу об аудиенции помощнику визиря – и на следующий день ничего не менялось.

Наконец Асаф-бек пожаловался хозяину постоялого двора, пожилому персу с маленькими хитрыми глазами, похожими на две черные гератские маслины.

– Наверное, мне придется вернуться домой, так ничего и не добившись! Наверное, мне придется сказать своему правителю, что я не смог исполнить его повеление! Наверное, я не гожусь для таких поручений! Правитель будет разгневан...

Трактирищик посмотрел на постояльца искоса, чуть насмешливо, понизил голос и сказал:

– Станный ты человек, афганец! Совсем не умеешь де-

лать дела! Совсем не знаешь городских порядков! Совсем не знаешь, как следует поступать в большом городе!

– Я воин! – гордо ответил афганец. – Я умею сражаться. Я умею колоть копьем и рубить мечом. Я умею преследовать врага и отступить, когда нужно. Я привык к чистому воздуху гор и степей. У вас в городе мне душно. Я не знаю ваших порядков.

– Ты платишь мне хорошие деньги за стол и кров, афганец. Хочешь, я дам тебе бесплатный совет?

– Говори!

– Тот служитель, который встречает тебя каждый день, обещает передать твою просьбу помощнику визиря?

– Обещает. Но на следующий день ничего не меняется, как будто он видит меня первый раз. Должно быть, у вас, городских жителей, очень короткая память.

– Если он что-то обещает сделать для тебя – ты должен сделать ему подарок. Таковы городские порядки.

– Подарок? – удивленно переспросил Асаф-бек. – Но за что? Он ведь находится на службе, он должен делать свою работу, чтобы не разгневать повелителя...

– Таковы уж придворные порядки. Между нами, афганец, таковы вообще наши порядки. Без подарка ты здесь ничего не добьешься. Так уж повелось издавна.

– Что же ему подарить? Амжахарское седло? Текинского коня? Дамасский меч?

– Странный ты человек! Придворному служителю ни к

чему конь или седло, а тем более меч. На коня он не сможет взгромоздиться, меч он не удержит в руке. Подари ему денег.

– Сколько?

– Сколько сможешь, афганец, но не меньше двухсот мараведи. Аудиенция у падишаха – это важное дело, здесь нельзя отделаться какой-то мелочью.

– Двести мараведи – это большие деньги...

– Ты каждый день тратишь на стол и кров десять – пятнадцать мараведи. Проживешь здесь еще две недели – и столько же денег утекут у тебя между пальцев. Ты потратишь эти деньги впустую и вернешься к своему правителю ни с чем. Конечно, мне это только выгодно, но я хочу тебе добра, афганец!

Асаф-бек поблагодарил трактирщика и на следующий день, когда к нему вышел прежний служитель, протянул ему кожаный кошель с золотыми монетами.

Служитель посмотрел на него с интересом, взвесил кошель на руке, удовлетворенно кивнул и сказал, чтобы завтра сразу после утреннего намаза афганец подошел к западным воротам дворца. Там его будут ждать.

– А как же помощник визиря? Ты скажешь ему обо мне? Ты передашь ему мою просьбу?

– А при чем здесь помощник визиря! – Служитель воздел глаза к небу и махнул короткой рукой с толстыми пальцами. – Мы вполне можем обойтись своими силами.

До конца дня я буквально изнывала на работе. Уселась за свой стол, включила компьютер и бездумно пялилась в экран, делая вид, что погружена в раздумья, даже кофе со Светкой не стала пить, чтобы она не прицепилась с расспросами.

Сотрудники шептались по углам, дамы беспрерывно бежали в туалет – макияж подправить или чашки вымыть, пока Кисляев, выглянувший из кабинета, не пресек это безобразие.

Очень мне не понравился его начальственный голос, а особенно то, как быстро он занял кабинет Сарычева.

Еще не понравился его взгляд. Как будто он что-то про меня знает, но пока придерживает сведения на всякий случай.

Возможно, у меня паранойя, но нужно подстраховаться. Неприятности лучше предупредить, чем расхлебывать.

Рано или поздно менты до меня доберутся, потому что, получается, что я видела шефа последней из сотрудников. Они небось объявили его в розыск и теперь роют землю носом.

Анфиса Павловна сказала, что начальство на ментов давит, поскольку жена Сарычева была какой-то важной чиновницей в городской администрации. Так что ментам нужно поскорее дело закрыть или хотя бы отчитаться о проделанной работе.

Убийцу искать они и не подумают – вот же он готовый, то

есть муж. Я его топить не собираюсь, но тут уж каждый за себя. Поэтому я решила сразу определиться.

Значит, я ничего не знаю ни про какое убийство. Сарычев вызвал меня с машиной в качестве личного шофера, я его довезла до объекта, а потом уехала. И на этом варианте буду стоять насмерть.

Как поется в старой песенке? «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никому не скажу. Та-та-та».

А тогда нужно предупредить Сарычева, чтобы он говорил то же самое, не впутывал меня. В конце концов, есть у него совесть или нет? Вот и проверим.

Звонить ему с собственного телефона я остереглась. И так уже менты непременно привяжутся, когда проверят телефон его жены и обнаружат в нем мой номер.

Я зашла к Светке, поболтала с ней немного, потом дождалась, когда ее позовет Кисляев, чтобы кофе подала, и набрала на общем телефоне номер Сарычева.

Ответом мне были длинные гудки, это хорошо, стало быть, телефон пока что не разрядился и не валяется где-то в подземелье, где нет сигнала.

Наконец на том конце ответили, то есть я услышала какой-то треск и сопение.

– Арсений Николаевич? – вполголоса заговорила я, сообщив, что это вполне может быть какой-нибудь бомж, который нашел телефон, или малолетний бандит, ограбивший Сарычева. – Перестаньте хрюкать и ответьте человеческим

языком.

– Да я это, я, тут связь ни к черту! – прокашлял Сарычев. – Ты где вообще?

«В Караганде», – захотелось мне ответить, но я сдержалась.

– Я в офисе, – заговорила я спокойно и деловито. – Тут была полиция, вас ищут. Значит, завтра и до меня доберутся. Я им скажу, что довезла вас до объекта и там оставила, в квартиру вашу не поднималась, про убитую вашу жену понятия не имела, пока мне сотрудники только что не рассказали. И очень вас прошу, когда вас будут допрашивать, давайте того же и держаться, чтобы наши показания совпадали. Кстати, Кисляев в начальники метит, уже ваш кабинет занял.

– Что значит – *когда* будут допрашивать? – По голосу Сарычева было слышно, что он вздрогнул и едва не уронил телефон. – Ты что, собираешься им меня сдать?

– Ну, не *когда*, а *если*, – поправилась я. – А сдавать вас я ментам не собираюсь, это не в моих интересах. Пока-пока.

Я как раз успела положить трубку на место, когда явилась дико злющая Светка и плюхнулась рядом на стул.

– Ненавижу! – выдохнула она. – Видеть его не могу, как только взгляд на него брошу – сразу тошнит! Трясет просто от одного его присутствия, колотит, плющит и колбасит!

– Что, вяжется он к тебе? – посочувствовала я.

Светка у нас девушка привлекательная – глаза зеленые,

волосы рыжие, щеки румяные, нос в веснушках, бюст пятого размера, попа – пятидесятого, в общем, от мужиков отбою нет. И она к ним относится благосклонно, только не на работе, помня выражение о птице, которая в своем гнезде соблюдает гигиену.

– Еще бы этот козел ко мне вязался! – фыркнула Светка. – Кто ему позволит?!

– Ну да, твои принципы всем известны: на работе – ни-ни. Правильно, конечно, – вздохнула я.

– Ты это к чему? – насторожилась Светка и посмотрела на меня очень внимательно.

– Ни к чему! – Я рассердилась на себя, еще не хватало трепаться о своих делах секретарше.

– Ну да, а я к тому, что Кисляев наш уже при деле. – Светка приблизила губы к моему уху. – Он же с Ольгой из технического отдела.

– С этой? – оторопела я. – Не может быть!

Ольга – худущая брюнетка с длинным носом и кривоватыми ногами, жуткая стерва, это все знают. Мы с ней в общем-то практически не пересекались, но смотрела она на меня при встрече всегда неприятным взглядом.

– Что он в ней нашел?

– А сам-то он, – скривилась Светка. – В общем, нашли они друг друга. Встретились два одиночества. Сведения верные, от Анфисы Павловны, а она все всегда знает.

«Так да не так», – подумала я, согласно кивая, про нас с

Сарычевым она не в курсе.

Нет, ну черт меня тогда дернул!

Когда я вернулась домой, мое любимое парковочное место было уже занято. На нем стояла новенькая красная «Мазда» Алисы из третьего подъезда.

Мы с Алисой давно уже с переменным успехом ведем позиционную войну за это место, по принципу, «кто первый встал, того и тапочки».

Сегодня она меня опередила, и мне пришлось поставить машину гораздо дальше от дома. Двор в этом доме, где я снимаю квартиру, не огорожен, входит кто хочешь, так что лучше, когда машину можно видеть из окна, что в данном случае никак не получалось.

Страшно злая, я направилась вдоль дома к своему подъезду. И тут кусты сирени перед подъездом раздвинулись, из них выступила какая-то фигура и схватила меня за локоть. Решительно и сильно.

Мою реакцию легко предсказать: я в ту же секунду развернулась на сто восемьдесят градусов и, не раздумывая, захлала кулаком свободной руки в физиономию неизвестному.

Он отпустил мой локоть, попятился, схватился рукой за нос.

Я метнулась к подъезду и уже достала ключи, но тут неизвестный гнусавым голосом пробормотал:

– Ульяна, ну сколько можно! И опять по носу! У меня там

и так живого места нет!

В первый момент я еще больше разозлилась – я, кажется, уже не раз говорила, что не люблю свое полное имя и никому не разрешаю его использовать.

Это все папочка, он, видите ли, назвал меня по имени своей бабушки, которую я, сами понимаете, в глаза никогда не видела. Нет, ну как вам это понравится? Не мать свою вспомнил, а бабушку. Правда, его мать революционно настроенные родители назвали Марсельезой, так что такого имени мне уж точно не нужно. Лучше уж Ульяна, это имя мне просто не нравится.

И тут до меня дошло, что если этот тип знает, как меня зовут, то он вовсе не неизвестный грабитель или насильник, а кто-то, кого я хорошо знаю.

Я наконец-то взглянула на него...

И с изумлением узнала своего босса Сарычева.

Сарычев держался за нос и переминался с ноги на ногу, вид у него был очень несчастный.

– Ты?! – выдохнула я возмущенно. – Ты что здесь делаешь? Ты как здесь оказался?

– На пригородном автобусе, – ответил он на второй мой вопрос. – А потом на метро... машины же у меня не было, ты знаешь, а такси вызвать я побоялся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.